

Павел Селуков

Павел Селуков

КАК Я БЫЛ
АННОЙ

Рассказы

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство

АСТ

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С29

Художник
Владимир Мачинский

Фото автора на переплёте
Инга Савинкова

Селуков, Павел Владимирович.

С29 Как я был Анной : [рассказы] / Павел Селуков. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 317, [3] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-134285-2

Павел Селуков родился в 1986 году на окраине Перми. Пишет прозу и сценарии. Сборник «Добыть Тарковского» вошёл в короткий список премии «БОЛЬШАЯ КНИГА».

«Как я был Анной» — книга рассказов, которые можно окрестить абсурдными, фантастическими, сатирическими или даже обозвать загадочным словом «притчи». Пацанско-маргинальная тема здесь не становится ведущей. Герои Селукова выросли, добыли своих Тарковских, после чего вдруг обнаружили, что это не конец путешествия, а только его начало.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134285-2

© Селуков П.В., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Содержание

Мальчик	7
Эмигрант из Беднолэнда	12
Святая троица	23
Швеллера	36
В Архангельск к девочке-собаке	47
Игра в куклы	61
Усыпить Банди	74
Запятая	81
Слесари	86
Драматическое	93
Про берёзы	95
Голуби	98
Бердяев	100
Буханцевы	103
Смертоносное	105
Поэтический разбой	107
До пекарни и обратно	110
Этот день	115
Вижу я отца своего	119
Ната	122

Похищение	127
Перед гражданской войной	132
Гей-заступница	135
То утро	146
Нерай в шалаше	153
Ублюдок зимы	171
Пластилин	177
Подснежники	183
О том, что нас всех объединяет	189
Творческая кровь	195
Глаза Джексона Поллока	220
Бессмертный Пол и проклятые воронки	229
2057 год. Пермь. Кински	245
Как я был Анной	264
Недалёкое будущее	271
Хрустящий Человек	278
Mens non eligege	292
Дмитрий Анатольевич и Маржа Гешефтович	298
Костромская четвёрка	301
Как Чарли Палмер ходил на собрание AAD в Городе ангелов	308
О роли культуры в жизни мальчиков	316

Мальчик

Жил в одном селе мальчик с внимательными глазами. Он видел ими красоту и уродство, как люди видят цвета, если б цвета что-то означали, если б цвета могли шокировать или окрылять. Мальчик часто ходил в лес, где лежал щекой на мхе, и трогал кору, и смотрел в небо, где синь сменяли облака, а облака — звёзды. Полежав так, мальчик возвращался в село, где хлюпала грязь, бурели избы и сортиры, а отец мазутными руками чинил уазик, чтобы ехать на нём в город мимо чахлых деревцев, надышавшихся с рождения выхлопными газами.

Мальчик был в городе трижды. В первый раз он увидел трубу, из которой шёл сизый дым в небо и там таял. Во второй раз он увидел бабку в переполненном автобусе. Бабка смотрела перед собой, отирая шапкой пот с морщинистого лица. В тре-

тый раз мальчика привезли на рынок и надевали на него в палатках куртки и штаны. Дул ветер, шёл дождь, пузырились лужи, и холодные пальцы продавщиц сновали по его телу, натягивая и снимая вещи. Лужи, оживлённые дождём, были красивыми, а всё остальное — нет.

Очень скоро отец заподозрил мальчика в непригодности к жизни. Мальчик всё делал очень долго и хорошо, а надо было быстро и без выпендрёжа. В пятнадцать лет мальчик колотил забор. Столбы вкопал отец, он же прибил верхние и нижние перекладины. Мальчику надо было только приколотить уже напиленные штакетины перпендикулярно земле, одна к другой. Мальчик прибивал их месяц. В каждой досочке он видел особую досочку, которой подходит другая особая досочка с такими же выемками, сучками и изгибами. Если бы люди так подбирали себе пару, как мальчик подбирал досочки, на земле наступило бы всеобщее счастье или никто бы никогда не женился. Отец рассердился на мальчика, обозвал его лентяем и копушей, а потом взял молоток и за полдня наколотил забор. Забор получился обычным, с щелями, где в палец, где в два, но он был. Ночью мальчик взял гвоздодёр, оторвал тят-ляп приколотенные доски и прибил их по своему разумению. Он очень страдал от того, что приходилось спешить, поэтому его разумение отразилось в заборе слабо.

Кроме того, мальчик увлёкся растениеводством. Он выращивал цветы, подвязывал хилые

ручки смородины, а картошку сажал вдумчиво и медленно, что тоже не радовало отца.

В школе мальчик учился хорошо, но странно. Он не мог пропустить пример, который у него не получался, и решать следующий, потому что контрольная, застревал на первом и получал двойку. Терзал он и учителя литературы, особенно в седьмом классе, когда проходили Нагорную проповедь. Например, мальчик мучил его эпиграфом к рассказу Андрея Платонова «Юшка», подбирать который надо было из Нагорной проповеди.

Когда на мальчика злились и отец и учителя, он уходил в лес. Зимой мальчик лепил снежки и подбрасывал их вверх, наблюдая, как они падают. Или любовался причудливым инеем на стволах сосен. Летом, весной и осенью он ходил к большому муравейнику смотреть, как живут мураши. Или сидел на берегу Морвы, очарованный бесконечным течением воды. Или гулял по полю с коровами, которых можно было гладить и читать в их влажных глазах спокойную ласку. Коровы напоминали мальчику Иисуса Христа.

В семнадцать лет мальчик окончил школу и поехал в город учиться и недоедать. Отец и учителя были стыдливо рады его отъезду. Мама мальчика, наверное, не была бы рада, но она умерла, и из неё вырос папоротник. Отец хотел выдрать папоротник, но мальчик не дал, подозревая между всеми ними связь. «Что ещё за связь?» — спросил отец. Мальчик объяснил: «Ты встретил маму, и из мамы

вышел я. Потом мама умерла, и из неё вышел папоротник. Не надо его рвать, он из её живота растёт. Вы и так уже меня вырвали». Отец, выслушав эту чушь, выругался, однако папоротника не тронул.

Приехав в город, мальчик сдал ЕГЭ и поступил на истфак Пермского университета. Ему выдали студенческий и поселили в общагу. В общаге все пили, очень много болтали и хотели девушек вслух. Мальчик с трудом выносил эту трескотню и невозможность побыть одному, когда хочется. Недалеко от общаги была железная дорога. За железной дорогой текла Кама. Мальчик любил там бывать, глядя, как железные «цапли» черпают из воды песок. Нашёл он и лес. Конечно, это был не сельский лес, а городской, за Дворцом культуры железнодорожников, но там водились разные птицы, ручные белки запрыгивали на плечо, и был маленький пруд, где плавали утки.

На втором курсе мальчик влюбился в девушку. Все её звали Машей, но мальчик называл Марией, столько библейского света исходило от её лица, как ему казалось. Мальчику хотелось взять Марию за руку и показать ей лес и Каму, познакомить с белками и птицами, рассказать про ласковых коров и показать, как течёт Морва. Мальчик ходил за Марией светлой тенью и однажды с ней заговорил. Они стали друзьями и дружили целый год.

Через год мальчик сказал Марии, что любит её, а Мария сказала мальчику, что не любит его и уезжает учиться в Петербург. И она действительно

Мальчик

уехала в Петербург и вышла там замуж, и родила дитя, и нашла своё счастье. На прощание она подарила мальчику перочинный ножик, очень красивый, изготовленный французской фирмой «Лайоль». Она специально его купила, потому что мальчику нравились перочинные ножики. Мальчик же, как ни странно, тоже нашёл своё счастье, потому что любил Марию всю оставшуюся жизнь. Он любил её, преподавая в университете, любил, женившись на другой женщине, любил, наматывая круги по психиатрической больнице под галоперидолом, любил, вернувшись в родное село, чтобы похоронить отца рядом с матерью.

В 2044 году, умирая в своей кровати одиноким больным пятидесятилетним стариком, мальчик вовсе не был одинок, потому что в любой момент, стоило ему только пожелать, перед ним возникал образ Марии, и он говорил с ней и улыбался. А ещё у него был её ножик, который он сумел пронести через все житейские бури. Мальчик гладил его перед сном, сжимал маленькую рукоять, ловил солнце на лезвие и пускал зайчиков на потолок, преображая тёмную комнату.

Я это всё знаю, потому что купил дачу в том селе и хоронил мальчика. Тесный гроб, французский «Лайоль», две гвоздики и очень много света. Таким мне запомнился тот день.

Эмигрант из Беднолэнда

Десять лет назад на улице Сибирской в здании бывшей типографии блистал лучший клуб Перми «Ветер». Там же находились ресторан «Санта-Барбара» и клуб попроще — «Блэкбар». «Ветер» посещала золотая молодёжь, редкие красавицы, заезжие звёзды и спортсмены.

В ту пору в «Ветре» работал и мой друг Борис на так называемой внутренней охране — сидел за столом в коридоре и досматривал вышибал, официантов и барменов, чтобы они не пронесли в клуб спиртное. Разница между магазинными ценами и клубными была огромной: официант мог купить бутылку водки за триста рублей и в ту же ночь перепродать за полторы тысячи.

Борис работал по графику сутки через двое. Я знаю, что до этого он пережил какое-то страшное горе, сильно пил, был слегка не в себе. Искал

то ли смысл жизни, то ли истину, без которых, видимо, применить себя не мог. А потом связался с христианством, где обрёл прощение, не знаю уж за что, стал повсюду ходить с Библией, бросил пить и ругаться матом, располнел и нашёл наконец-таки долгожданную работу.

Работу Борис искал мучительно, потому что в свои двадцать четыре года диплома никакого не имел, слова «менеджер» не понимал, а к торговле относился как к чему-то грязному, не умея понять, почему покупка задёшево и продажа задорого называется делом честным. Мытарства Бориса продолжались до тех пор, пока он не встретил Славу — мутного мужика, который поставлял охранников в питейные заведения Перми. Понятия не имею почему, но Слава проникся к Борису и устроил его в модный кафетерий на улице Ленина.

На первую смену Борис пришёл обритым под машинку. В брюках, рубашке и пластиковых туфлях из социального магазина. Ещё его волновали красные пятна на лице, которые нет-нет да высыпали. На фоне французских окон, диковинных растений в кадках и европейского интерьера Борис смотрелся эмигрантом из Беднолэнда. Как вы понимаете, проработал он там недолго. Через три часа явилась хозяйка кафетерия — девушка холёная и эффектная, а ещё через час приехал Слава с мрачным застывшим лицом. Он позвал Бориса за дальний столик, усадил и сказал:

— Хозяйка тебя уволила, извини.

Борис очень расстроился:

— Это из-за одежды, да?

Он умел спрашивать, как бы это сказать, напрямую, что ли. Слава уставился в стол и не решился соврать:

— Она сказала, что ты страшный. Урод, короче.

По лицу Бориса пробежала дрожь и оборвалась на подбородке. Слава первый раз столкнулся с такой причиной увольнения, ему было не по себе. Он отхлебнул кофе и сказал:

— Не бери в голову, Боря. Она сука, понимаешь? Сука конченная. Семьсот рублей смена, Брэда Питта ей, что ли, подавай?! Ты нормальный пацан. Ты не думай...

Борис достал из кармана маленький блокнот и коротенький карандаш. Пролистал его и посмотрел на Славу.

— Скажи мне, как её зовут?

Слава насторожился:

— Тебе зачем?

Борис показал глазами на блокнот:

— Это мой молитвенный лист. Я буду за неё молиться.

Слава помолчал, переваривая.

— Ты христианин, что ли?

— Да.

— Ладно. Как знаешь... Ольга Ерёмина.

Борис записал в блокнот и протянул Славе руку.

— Спасибо, что попытался мне помочь.

Слава руку не выпустил.

— Подожди! Давай я тебя в «Ветер» устрою? Я директора знаю. Давай, а? Сиди здесь, я щас позвоню!

Слава вскочил и ушёл на улицу звонить. В этот же день Бориса взяли на внутреннюю охрану в клуб «Ветер». Директор Михаил Львович посмотрел на него и велел завтра к девяти утра выходить на смену.

Надо сказать, Борис не любил афишировать свою религиозность. Например, в первую смену он ни у кого не спросил, где тут можно помолиться, но самостоятельно облюбовал щитовую и в обед преклонил колени там. Борис всегда молился на коленях, потому что в Евангелии написано: «Войди в комнату, притвори дверь и преклони колени свои», даже если комната — не комната, дверь — не дверь.

С планировкой клуба и новыми обязанностями Бориса знакомил сменщик Андрей. Слегка взбудораженный от недосыпа и радостный от обретения нового, третьего, айфона, который он на днях взял в кредит, Андрей не выпускал его из рук, гладил экран большим пальцем и лишь изредка кривился, когда некстати вспоминал о двенадцатитысячной зарплате и ежемесячном платеже, но платёж был далеко, а айфон приятно грел руку, поэтому Андрей не заморачивался.

На первом этаже находился пост охраны — стул, стол и журнал посещений, дальше — винтовая лестница на второй этаж, «Санта-Барбара», щито-